

ку, интеллигенту и предпринимателю, служащему в муниципальном учреждении и рабочему в фермерском хозяйстве.

Социальная маргинальность — это, главным образом, социально-политический феномен. Сущностью этого феномена является консолидация довольно разнородных социальных групп и слоев на почве неприятия и отторжения становящихся новых форм социального бытия, нового уклада общественной жизни. Оторванные от своих корней, люди ощущают себя своеобразным «перекасти-поле». Они не знают, куда влечет их рок событий.

Социальная маргинальность означает амбивалентность социально-политического статуса ее носителей. Это — люди, которые уже порвали со старым социальным укладом, но еще не пришли к новому, не приняли его и противятся ему в силу еще до сих пор неизжитых личностных представлений, норм мировосприятия и жизненных стратегий. Для такого социального состояния неизбежным становится поиск «третьего пути» — такого варианта общественного развития, который не будет рецидивом прошлого, с которым социальный маргинал уже расстался, и в то же время будет отличаться от нынешнего миропорядка. Чем будет на практике этот самый «третий путь» — об этом социальный маргинал не заглядывает. Им движут, скорее, иррациональные побуждения, в которых голос разума заглушается доминирующими настроениями социальной заброшенности, враждебности и отторжения.

В этих своих проявлениях социальная маргинальность является сильнейшим деструктивным и дестабилизирующим социально-политическим и морально-психологическим фактором. Само по себе состояние маргинальности является психологически деструктивным. Оно пагубно сказывается на личностной и социальной психологии.

В свое время В. Ленин нашел емкое и хлесткое публицистическое обозначение для современного ему типа социального маргинала — «взбесившийся мелкий буржуа». Взбесившийся от ужасов безудержной полуфеодалной капитализации, от бойни первой мировой войны, от ощущения собственной социальной никчемности и неприкаян-

ности. Этот слой социальных маргиналов столыпинскими реформами был оторван от традиционных общинных уз и устоявшейся сословности, оказался в урбанистическом горниле капиталистической индустриализации и был брошен в самое пекло мировой и гражданских войн. Правда, В. Ленин сумел предложить этому мятущемуся социальному слою достаточно привлекательную для него идеологию и программу действий, консолидировать этот слой вокруг себя и направить его мощную деструктивную энергию в нужное русло, указав «третий путь» в большевистской политической теории и практике.

Современная российская политическая практика показывает, что достижение социально-политической толерантности невозможно без всестороннего и объективного учета фактора социальной маргинальности в социально-политической жизни общества.

Айсберг социальной маргинальности уже появился в современной российской политической практике. Огромный слой социальных маргиналов, образовавшийся за годы реформ, все настойчивее заявляет о своем существовании. При этом этот слой в настоящее время политически не артикулирован. Существующие политические партии и движения, практически, оказались не готовы к восприятию этого нового социального феномена.

Поэтому все чаще на политической арене появляются новоявленные идеологи, которые пытаются стать «выразителями дум» этого социального слоя, указать ему «третий путь» и возглавить движение в данном направлении. Это и Александр Дугин с его праворадикальной идеологией «третьего пути», это и Эдуард Лимонов с его «национал-большевистским» симбиозом.

На региональном уровне в Свердловской области на прошедших губернаторских выборах громко и вызывающе заявила о себе «баковщина» (образ от имени кандидата на пост губернатора Свердловской области А.А. Бакова), в которой социальная маргинальность пробует свои силы, заявляет о своих претензиях. «Баковщина» как социальное явление бросает вызов импульсам социально-политической толерантности.

В.А. Муравский

ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК МОДУС ПРАВООБРАЗОВАНИЯ

Муравский Виктор Андреевич — кандидат юридических наук, доцент Гуманитарного университета

Проблема толерантности стала символом постиндустриального общества. Теоретический арсенал юриспруденции должен обогатиться доктриной толерантности, хотя до сих пор ее применимость к изучению нормативных явлений не признавалась в философских исследованиях. Член-корреспондент РАН В.А. Лекторский подчеркивает, что терпимость касается только того, истинность чего не может быть установлена бесспорным путем (религиозные взгляды, метафизические утверждения, специфические ценности разных культур, особенно этнические предпочтения, некоторые личные предпочтения и т. д.), моральные же нормы «могут быть неоспоримо и убедительно для всех установлены»¹. Очевидно, что данное суждение яв-

ляется действительным и по отношению к правовым нормам, обладающим по отношению к моральным гораздо большей определенностью и обязательностью.

Но в настоящее время не менее очевидна и относительность формулы, располагающей право вне толерантного феноменологического ряда, поскольку она имеет безусловное и неоспоримое значение только для права в виде закона, нормативного акта, сутью которого, с формально-правовой точки зрения, является общеобязательность его предписаний и отсутствие необходимости согласия с ними со стороны каждого индивида (*dura lex, sed lex*). В отечественной юридической литературе еще с начала 80-х годов XX столетия утвердился многоаспектный подход к пониманию права как явления, имеющего генетический, нормативистский и социологический аспекты². В свете многопланового описания права редукция правопонимания до законопонимания свойственна обществам с авторитарными и авторитарными режимами, в которых закон наряду с государством рассматривается в качестве высшей религиозной и социальной ценности (государства Древнего Востока).

Проблема толерантности имеет особое значение для актуально-правового среза права, что объясняется природой, сущностью и волевым содержанием реальных юридических норм. Как в советской, так и в современной российской юридической литературе, преобладает концепция общей, коллективной воли (воли класса, народа, государства), как сущности права. Теория общей воли восходит к трактату Ж.-Ж. Руссо «Об общественном договоре, или принципы политического права» и носит идеологический и утопический характер. Она не описывала действительные политические процессы, а с философской точки зрения обосновывала необходимость контроля со стороны гражданского общества за государственной властью. Подобным образом решали проблему общей воли К. Маркс и Ф. Энгельс. В том смысле, в каком понимали общую волю Ж.-Ж. Руссо и классики марксизма, она никогда не существовала и существовать не могла и является наивной утопией. Потому воля в праве в точном смысле этого понятия имеет единственное значение и выступает всегда в качестве воли индивида.

Особенностью социального знания XX столетия явилось включение человека в исторический процесс и перенос гносеологических акцентов на субъективную интерпретацию в рамках новой методологической парадигмы — «понимающей социологии» Макса Вебера, с точки зрения которой слово «государство» означает только вид человеческого поведения. Таким образом, право (и как закон, и как система реальных норм) способно выразить только волю отдельных лиц, индивидуумов.

Специфика права обусловлена индивидуальным характером личностных целей, столкновение, борьба, подавление, взаимопогашение, сотрудничество которых порождают нормы действующего права, как своего рода социальные закономерности. Нормы права как итог столкновения личных волей складываются в результате соединения отдельных действий людей, складываются как своего рода равнодействующие более или менее значительного множества отдельных, разрозненных или соединенных и согласованных, неважно, действий и

деятельств». Поэтому воля, выраженная в праве, есть совокупность разрозненных и часто противоречивых желаний. Однако следует подчеркнуть, что подобное представление о волевом содержании права не может рассматриваться в качестве исчерпывающего и всестороннего. Личностно-волевой подход к праву генетически и методологически связан с особенностями «понимающей социологии».

Для изучения проблемы воли в праве важное значение имеет тот факт, что воля индивида в процессе своего воплощения в содержание действующих правовых норм объективируется, получает реальное выражение в виде устойчивых форм и общесоблюдаемого и обязательного образа действий индивидов, приобретает способность определять их поступки и условия волеизъявления и должна «считываться» в другом понятийном контексте. Если подходить к вопросу с позиций символического интеракционизма и структуральной теории, которые продолжают в настоящее время парадигму «понимающей социологии»², в ходе социального взаимодействия индивидов происходит формирование транситуационных структур, изменяющих объективную среду социальной деятельности. Данное отношение (право есть результат активности человека и одновременно её стимул) составляет энерго-информационную сущность права³.

Таким образом, с социологической точки зрения право является выражением субъективной воли, которая проявляется как в процессе создания, так и объективации норм. Право, по сути дела, есть интерактивная положенность индивидуальной воли. Отсюда следует, что определённые характеристики права обуславливаются психологическими особенностями индивидуальных воли и процессами их взаимодействия и объективации в систему реальных правил поведения.

Вследствие индивидуально-волевого содержания реального права при реализации закона происходит его дисперсия, расщепление на бесчисленное множество индивидуальных норм, которыми руководствуются участники правоотношений. Закон как абстрактная и безличностная форма субъективируется индивидами, которые извлекают из его предписаний содержание, соответствующее их интересам и уровню правовой культуры. В сознании субъектов правовых отношений положения нормативно-правовых актов существуют в «превращенной» форме, в качестве конкретизированных *ad hoc* логических норм. Данные нормы в регулятивном отношении соответствуют закону только теоретически, поскольку на практике часто приходится иметь дело с недобросовестным, корыстным, предвзятым, ошибочным толкованием содержания нормативно-правовых актов.

«Сгущения», обобщения индивидуальных норм в виде обычаев правоприменения образуют особую систему норм — актуальное право. Поскольку нормы актуального права формируются самими субъектами права и являются суммарным выражением их взаимодействий, терпимость к позиции *другого* представляется необходимым элементом правообразования, без которого невозможно возникновение ни индивидуальных, ни реально-правовых норм.

Толерантность в процессе актуального правообразования проявляется тройным образом: 1) как

психологическое или мировоззренческое явление — в тех случаях, когда она обуславливается личностными особенностями субъектов права, склонных разделять мнение или примирительно относиться к действиям другой стороны из-за особенностей своего характера (склонности к конформизму, уступчивости, пассивности) или из-за идеологических, политических, нравственных, религиозных убеждений. В данном случае субъект права относится безразлично к позиции другой стороны и, соглашаясь с ней, воспринимает представленную в ней интерпретацию закона и индивидуальную норму; 2) как элемент тактического соглашения, которое существует в тех случаях, когда собственная терпимость используется индивидом в качестве вынужденной уступки, как средство достижения каких-либо целей в обмен на проявление терпимости к своей позиции; 3) как элемент стратегического соглашения, компромисса между властью (государством) и народом (индивидами и их сообществами), закрепляющего, с одной стороны, пиетет власти к свободе личности и к ее праву своими действиями изменять закон, противоречащий господствующим понятиям о естественном праве, и, с другой стороны, — доверие общества к власти, легитимацию ее законотворческой и законоприменительной деятельности. Социальный эксперимент, каким явилось строительство социализма, показал, что отсутствие толерантности как социально-политического компромисса между государством и гражданским обществом приводит к аномии. Нарушение принципа социального партнерства обуславливает создание гражданским обществом актуального права, которое не соответствует закону и вытесняет его из правового поля, с одной стороны, и не признается государством и потому приобретает подпольный, теневой характер, — с другой.

Однако толерантность в актуальном праве не является абсолютной и отличается прерывностью и фрагментарностью, так как имеет свои пределы, которые для гражданского общества определяют коррекционную или компенсационную деятель-

ностью государственных органов. Если государство создает и эффективно использует механизмы, устраняющие дефекты и инертность законов (конституционный контроль, судебное правотворчество) или добивается проявления терпимости к своим законам другими мерами (социальные программы, патернализм), гражданское общество склонно проявлять толерантность к его нормативным актам, не смотря на их частные недостатки. Толерантность со стороны государства при актуальном правообразовании может проявляться только в том случае, если сложились и действуют структуры гражданского общества, обеспечивающие лояльность по отношению к закону (средний класс, самодельные организации). При отсутствии данных оснований толерантности актуально-правовые нормы являются результатом социальной борьбы, вражды и принуждения.

Действуя в качестве фактора правообразования, толерантность определяет содержание основных юридических норм, в первую очередь, принципа законности. Законность не имеет абсолютного характера и не означает буквального соблюдения индивидами нормативных актов при любых условиях: при нарушениях предельных оснований толерантности государством единственным выходом для субъектов права будет создание новых юридических норм, основанных на положениях естественного права.

¹ Лекторский В.А. Толерантность как проблема методологии современного обществознания // Толерантность и полисубъектная социальность: материалы конференции. Екатеринбург... С. 9.

² См.: Лившиц Р.З. Современная теория права. Краткий очерк. М., 1992.

³ См.: Василькова В.В. Порядок и хаос в развитии социальных систем: (Синергетика и теория социальной самоорганизации). СПб., 1999. С. С. 197, 198.

⁴ Трубников Н.Н. О категориях «цель», «средство», «результат». М., 1968. С. 125.

⁵ См. Большой толковый социологический словарь. (Collins). Т. 2. С.С. 198-200 . 305; Современная западная социология: Словарь М., 1990. С. 310.

⁶ См.: Тихонравов Ю.В. Основы философии права. М., 1997. С. 145.

МЕТАЯЗЫК ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В.С. Мартьянов

Мартьянов
Виктор
Сергеевич —
кандидат
политических
наук,
младший
научный
сотрудник
Института
философии
и права
УрО РАН

ДЕУНИВЕРСАЛИЗАЦИЯ ПРОСВЕЩЕНИЯ И МОДЕРНА

Глобализация теоретически представляет собой симуляцию, «послежитие» ценности Просвещения и Модерна, когда они превращаются из целей и содержательных понятий в операциональные политические средства. Аксиома метаязыка глобализации заключается в том, что социальная реальность актуального Постмодерна больше не может быть адекватно отражена на традиционном языке «больших идеологий» и утопий. Последние начинают «бить» мимо цели и во все меньшей степени соотноситься с чем-то политически реальным, вроде классов или других политических субъектов. Метаязык глобализации представляет собой метаязык